of foreign policy strategy by the Russian political elite. In addition, the analysis of the specifics of the foreign policy aspect through the prism of the conservative program takes into account the influence of the concepts of the Russian world, public diplomacy, and "collecting land", since the goal declared by the ruling elite in the form of building a sovereign state is their logical consequence. The common basis that unites all these components is the orientation of the Russian ruling political elite in the implementation of a conservative program in foreign policy on expressive and affective ideologies, rather than rational and cognitive components.

Keywords: *politics, elite, Russia, conservatism, the concept of the Russian world, public diplomacy, "collecting land", ideologems, ideology, sovereign state.*

References

1. Markov E.A. Istoki konfrontacii so stranami Zapada i myunhenskaya rech' Vladimira Putina // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. № 1. P. 104 – 113.
2. Tishkov V.A. Russkij mir: smysl i strategii // Strategiya Rossiya. 2007. №7. P. 5 – 15.
3. Lebedeva O.B. Osobennosti instituta publichnoj diplomatii v Rossii // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. № 6. P. 41 – 55.
4. Dolinskij A.V. Diskurs o publichnoj diplomatii // Mezhdunarodnye processy. 2011. T. 9. № 1. P. 63 – 73.
5. Vasilenko I.A. Znachenie publichnoj diplomatii v imidzhevoj politike Rossii // Vlast'. 2015. № 2. P. 48 – 53.
6. Gucalov A.A Russkoe zarubezh'e kak chast' kul'turnogo prostranstva russkogo mira i kak resurs vneshnej kul'turnoj politiki // Kul'turnoe nasledie Rossii. 2018. №1. P. 68 – 74.
7. Surma I.V. Global'nyj nadnacional'nyj aktor mezhdunarodnyh otnoshenij i ego social'naya filosofiya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 4 (31). P. 141 – 151.
8. Uznarodov I.M., Uznarodov D.I. Perspektivy razvitiya narodnyh respublik Donbassa v kachestve samostoyatel'nyh sub"ektov mezhdunarodnoj politiki // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2018. № 3. P. 96 – 103.
9. Kislicyn S.A. Predposylki integracii de-fakto suverennyh narodnyh respublik Donbassa v postsovetskie ob"edineniya s uchastiem Rossijskoj Federacii // Vlast'. 2019. №4. P. 138 – 142.

УДК 332 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-298-302

ЭЛЕКТРОННОЕ ПАРТИСИПАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРУ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

Туманян Гарник Вагинакович магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (634029, Россия, г. Томск, ул. Советская, 59). E-mail: tumangar@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние электронного участия граждан (электронной партисипативности) на принятие решения государственными органами власти. Рассматривается необходимость использования электронного участия граждан и перспективы электронной партисипативности в целом. В статье даётся оценка используемым в Российской Федерации механизмам электронного участия граждан, выдвигается вывод о некорректности оценки развития электронного участия с точки зрения трехуровневой модели электронного участия.

Ключевые слова: *партисипативность, электронное участие, участие, государственное управление, общественное мнение, общественный выбор, принятие решения, актор, гражданин.*

Участие граждан (партисипация) считается одним из ключевых элементов прозрачности [1] деятельности органов власти. Появление новых информационно коммуникационных технологий, которые получили широкое распространение и популярность среди акторов, обусловило переход от традиционного участия акторов к электронному участию (партисипативности).

В настоящее время существует два важных технико-социальных явления: растущий интерес граждан к участию в процессе принятия государственных решений (получение прав и возможностей влиять на принятие решения) [2] и растущее использование ИКТ [3] во всех жизненно важных областях. По этой причине существует множество инструментов участия, которые разрабатываются и применяются с использованием ИКТ и Интернета.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) не только улучшают предоставление государственных услуг, но и позволяют государственным учреждениям лучше привлекать граждан к процессу партисипативности [4].

Исследования показывают, что внедрение технологий электронного участия облегчает взаимодействие и сотрудничество между государственными структурами и акторами.

Различают три разновидности электронной партисипативности, которые создают трехуровневую модель электронного участия [5]:

- электронная информация;
- электронные консультации;
- электронное решение.

Данные уровни различаются по переходу от «пассивного» к «активному» взаимодействию с гражданами.

Принятие электронного решения является самым высоким уровнем электронного участия акторов в государственном управлении. Принятие решений требует активного участия и вовлечения акторов в долгосрочную работу, а это означает, что граждане должны быть мотивированы, чтобы посвятить свое время таким действиям, как совещание, обсуждение и голосование с использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ).

Создаётся тенденция, когда государственный аппарат всегда стремится расширить электронное участие, чтобы не только использовать общественный опыт и знания, но также повысить прозрачность, доверие [6] и приемлемость правительственных решений [7].

Что в свою очередь практически невозможно без заранее подготовленной почвы и систематической работы с акторами, согласно исследованиям, проведённым в Соединённых Штатах: после потери доверия акторов, внедрение государственными структурами электронного правительства или механизмов электронного участия, становится очень сложной задачей [8].

Также, работа с акторами должна вестись и после внедрения электронной платформы и её эксплуатации. Например: в случае взаимодействия актора с платформой электронного участия, последняя должна информировать гражданина о последствиях его действий либо бездействий на платформе [1].

Это может способствовать более эффективному восприятию прав и возможностей граждан, тем самым создавая позитивное отношение к намерению использовать и рекомендовать технологию с течением времени. Также, данное действие призвано огородить граждан от необдуманного участия и повышать культуру гражданского участия в целом.

Однако сила влияния электронного правительства и популярность электронной партисипативности уменьшается с более частым использованием информации, поступающей с правительственных веб-сайтов [9].

Электронное участие предполагает сбор и анализ мнений граждан по конкретным вопросам и систематический анализ общественного мнения о важных для акторов и государства трансформациях. Данные, полученные в ходе выявления общественного мнения, в дальнейшем учитываются при принятии решений.

Более детальное определение рассматривает электронное участие как «использование информационных и коммуникационных технологий для расширения и углубления политического участия, позволяя гражданам связываться друг с другом и с избранными представителями»[1].

В этом контексте органам государственной власти необходимо определить наилучшие средства для обеспечения электронного участия, таким образом, чтобы создать условия для реального и эффективного влияния акторов на принимаемы решения.

Электронное участие часто обсуждается за его потенциал для стимулирования более широкого участия граждан. Хотя, массовый переход к электронному участию протекает довольно медленно, что вызвано опасениями в малой заинтересованности граждан [10] и низким уровнем использования сервисов электронного участия акторами [11].

Тем не менее, остается неясным, способствует ли электронная партисипативность более широкому участию граждан только в онлайн режиме или укрепляет существующие модели традиционного участия граждан. Согласно исследованиям, проведённым в США - электронное участие, осуществляемое с использованием различных форм онлайн-выражения и взаимодействия, связано с широким участием граждан только в онлайн режиме [12].

Важным фактором усиливающим необходимость внедрения электронного участия, является мобилизация новых, более мобильных групп населения в процессы партисипативного управления. Ранее, к электронному участию в основном прибегали менее благополучные слои населения [13], но, если ознакомиться с исследованиями последних лет, можно понять, что неравенства электронного

[1] Macintosh A. (2004), "Characterizing E-Participation in Policy-Making", [Электронный ресурс] http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.98.6150&rep=rep1&type=pdf (дата обращения 10.01.2020г.)

участия в связи с социально-экономическим статусом не наблюдается [14], что в свою очередь говорит о широком потенциале для участия большего круга акторов в принятии государственных решений.

Идентичные результаты имело другое исследование электронного участия акторов в принятии государственных решений – электронная партисипативность, облегчающая участие общественности с помощью социальных сетей, телефонных приложений и других информационно-коммуникационных технологий, может преодолеть ограничения, связанные с традиционным участием общественности и следовательно, увеличить инклюзивность и культуру инклюзивной совещательной демократии в целом [15].

Хотя, практика внедрения электронного участия не нова в международной практике, но в последние годы наблюдается активизация государственных структур в данной сфере, создаются новые виды электронного взаимодействия и участия, совершенствуются существующие технологии. Развитие информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации, как и во всём мире, привело к трансформациям общественных отношений в сфере получения информации от государства и создания активной электронной обратной связи, что в свою очередь способствовало формированию этапа активной эксплуатации электронного гражданского участия в процессах принятия решений.

В научных исследованиях отечественных учёных преобладает мнение, что электронное государственное присутствие в РФ находится на стадии перманентной модернизации, благодаря существенному затягиванию формирования программ и проектов электронного управления. Акцентируется внимание на развитие межведомственного электронного взаимодействия, данные отношения переводятся в режим «промышленной эксплуатации». Немаловажной проблемой является эффект «лоскутной информатизации», который создаётся благодаря неравномерному развитию межуровневого электронного взаимодействия [16].

Существует мнение, что на современном этапе в России, большинство инициатив электронного правительства в сфере вовлечения граждан в процессы принятия государственных решений сводятся к информационному потоку от органов власти к гражданам [17]. Что соответствует первому уровню трёхуровневой модели электронного участия – электронной информации.

По нашему мнению, рассматривать соответствие существующих на территории РФ электронных площадок соучастия тому либо иному уровню модели электронного участия – некорректно. Связано это с институциональными и социально-экономическими особенностями развития политической системы России в целом и субъектов Федерации. Если рассматривать электронные практики в субъектах Федерации, мы получим одни результаты, если рассматривать Федеральные практики, то они находятся на принципиально другом уровне электронного взаимодействия.

К примеру: рассматривая платформу «Активный гражданин» города Москвы, мы можем наблюдать довольно развитую систему вовлечения граждан в принятие решений, данная платформа является лучшей среди около 35 подобных Российских платформ [17].

Но в большинстве регионов РФ отсутствует практика внедрения подобных платформ по причине их относительной дороговизны и неготовности властей и населения к внедрению практики электронного участия, кроме этого можно заметить низкий уровень эффективности существующих региональных площадок. Ещё одним объяснением малой активности регионального населения в процедурах электронной партисипативности могут служить активные связи с офлайновыми социальными группами (традиционное общение) и низкий уровень доверия к правительству.

Редким исключением является практика электронного участия населения в формировании целей и задач исполнительных органов власти Республики Татарстан [18].

Электронная демократия, как правило имеет слабое развитие и можно привести небольшое количество эффективных региональных практик. К данным практикам можно отнести: «Моя территория», «Слово власти», «Лица Саратовской области», «Убитые дороги Пскова» и некоторые другие площадки.

Рассматривая электронное участие граждан в принятии решений на федеральном уровне, нельзя обойти стороной такие государственные платформы, как: РОИ, Федеральный портал проектов НПА, «Демократор», сайты государственных органов власти и др.

Федеральные проекты электронного участия населения в принятии решений более эффективны и многопрофильны, каждый гражданин может найти Федеральный ресурс, удовлетворяющий его потребностям и возможностям электронного соучастия.

Некоторые исследователи считают, что величина влияния веб-ресурса на публичное управление, коррелирует с эффективностью его эксплуатации[19].

Это связано с отсутствием механизмов нормативного закрепления общественного мнения и обязательности рассмотрения общественных инициатив органами государственной власти. Сферы влияния граждан в принятии решений крайне ограничены и требует институциональных изменений в государственном управлении. Также, легче притворить в жизнь локальные, небольшие инициативы, чем инициативы Федерального масштаба.

Данная практика противоречит мировому опыту, согласно зарубежным исследованиям - электронное участие оказывает относительно более сильное влияние на сложные проблемы, которые могут затрагивать несколько учреждений, чем на простые рутинные вопросы [20].

Просмотрев существующие на территории Российской Федерации практики электронной партисипативности, можно сделать вывод о масштабности электронного участия граждан на Федеральном уровне и пассивной региональной практике, которая менее эффективна (за исключением некоторых проектов). Хотя, существует тенденция эффективности малых, локальных инициатив, что объясняется сложностью реализации крупных Федеральных проектов.

Несмотря на надежды на то, что информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) приведут к революционным изменениям в демократическом участии, факты свидетельствуют о том, что системы электронного участия, предназначенные для консультаций и диалога между гражданами и правительствами, часто не достигают ожидаемых целей и уровней принятия.

Литература

1. *Royo S., Yetano A.* 'Crowdsourcing' as a tool for e-participation: two experiences regarding CO2 emissions at municipal level // Electronic Commerce Research. 2015. №3. P. 323 – 348.
2. *Kang M.* Understanding public engagement: conceptualizing and measuring its influence on supportive behavioral intentions // Journal of Public Relations Research. 2014. №5. P. 399 – 416.
3. *Sadovnikova N., Klochkova E., Dobrolyubova E., Alexandrov O.* Basic trends of information society development in Russia compared to world's leading countries // International Review of Management and Marketing. 2015. №5. P. 18 – 29.
4. *Zheng Y.* Explaining Citizens' E-Participation Usage: Functionality of E-Participation Applications // Administration and Society. 2017. №3. P. 423 – 442.
5. *Kassen M.* Open data in Kazakhstan: incentives, implementation and challenges // Information Technology & People. 2017. №2. P. 301 – 323.
6. *Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S.* E-participation adoption models research in the last 17 years: A weight and meta-analytical review// Computers in Human Behavior. 2018. № 81. P. 350 – 365.
7. *Siyam N., Alqaryouti O., Abdallah S.* Mining government tweets to identify and predict citizens engagement // Technology in Society. 2020. Vol. 60 Article № 101211
8. *Schaupp L., Carter L., McBride M,* E-file adoption: a study of US taxpayers' intentions // Computers in Human Behavior. 2010. №4. P. 636 – 644.
9. *Porumbescu G.* Placing the Effect? Gleaning Insights into the Relationship between Citizens' Use of E-Government and Trust in Government // Public Management Review. 2016. №10. P. 1504 – 1535.
10. *Omar A., Weerakkody V., Sivarajah U.* Developing criteria for evaluating a multi-channel digitally enabled participatory budgeting platform // International Conference on Electronic Participation. 2017. № 1. P. 3 – 11.
11. *Kersting N.* Participatory turn? Comparing citizens and politicians perspectives on online and offline local political participation // Lex Localis. 2016. №2. P. 251 – 263.
12. *Tai K., Porumbescu G., Shon J.* Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications // Public Management Review. 2020. №2. P. 278 – 296.
13. *Oser J., Hooghe M., Marien S.* Is Online Participation Distinct from Offline Participation? A Latent Class Analysis of Participation Types and Their Stratification // Political Research Quarterly. 2013. №1. P. 91 – 101.
14. *Park E.* Is digital literacy the key to overcome, inequality in E-participation? // 19th Annual International Conference on Digital Government Research: Governance in the Data Age. 2018. №1. Article № 136852.
15. *Pflughoeft B, Schneider I.* Social media as E-participation: Can a multiple hierarchy stratification perspective predict public interest? // Government Information Quarterly. 2020. №1. Article № 101422.
16. *Чугунов А.В.* Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 14 – 20.
17. *Ревякин С.А.* Об эффективности электронных платформ участия граждан в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 94 – 113.
18. *Туманян Г.В.* Совершенствование партисипативных технологий принятия государственных решений: на примере Республики Татарстан // Теории и проблемы политических исследований. 2019. № 5А. С. 29 – 35.

19. *Волошинская А.А.* «Электронное участие» в России: новый инструмент взаимодействия государства и общества или электронная потемкинская деревня? // Информационное общество. 2016. № 1. С. 40 – 47.
20. *Allen B., Tamindael L., Bickerton S., Cho W.* Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform // Government Information Quarterly. 2020. №1. Article № 101412.

***Tumanyan Garnik Vaginakovich*,** Master Student, National Research Tomsk State University (59, Sovetskaya St., Tomsk, 634029, Russian Federation). E-mail: tumangar@mail.ru

ELECTRONIC PARTICIPATORY MANAGEMENT AND ITS IMPACT ON THE CULTURE OF CIVIC PARTICIPATION

Abstract

This article discusses the impact of electronic participation of citizens (electronic participation) on decision-making by state authorities. The necessity of using electronic participation of citizens and the prospects of electronic participation in general are considered. The article gives an assessment of the mechanisms of electronic participation of citizens used in the Russian Federation, suggests that the assessment of the development of electronic participation is incorrect in terms of a three-level model of electronic participation.

Keywords: *participativeness, electronic participation, participation, public administration, public opinion, public choice, decision making, actor, citizen.*

References

1. Royo S., Yetano A. 'Crowdsourcing' as a tool for e-participation: two experiences regarding CO2 emissions at municipal level // Electronic Commerce Research. 2015. №3. P. 323 – 348.
2. Kang M. Understanding public engagement: conceptualizing and measuring its influence on supportive behavioral intentions // Journal of Public Relations Research. 2014. №5. P. 399 – 416.
3. Sadovnikova N., Klochkova E., Dobrolyubova E., Alexandrov O. Basic trends of information society development in Russia compared to world's leading countries // International Review of Management and Marketing. 2015. №5. P. 18 – 29.
4. Zheng Y. Explaining Citizens' E-Participation Usage: Functionality of E-Participation Applications // Administration and Society. 2017. №3. P. 423 – 442.
5. Kassen M. Open data in Kazakhstan: incentives, implementation and challenges // Information Technology & People. 2017. №2. P. 301 – 323.
6. Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S. E-participation adoption models research in the last 17 years: A weight and meta-analytical review// Computers in Human Behavior. 2018. № 81. P. 350 – 365.
7. Siyam N., Alqaryouti O., Abdallah S. Mining government tweets to identify and predict citizens engagement // Technology in Society. 2020. Vol. 60 Article № 101211
8. Schaupp L., Carter L., McBride M, E-file adoption: a study of US taxpayers' intentions // Computers in Human Behavior. 2010. №4. P. 636 – 644.
9. Porumbescu G. Placing the Effect? Gleaning Insights into the Relationship between Citizens' Use of E-Government and Trust in Government // Public Management Review. 2016. №10. P. 1504 – 1535.
10. Omar A., Weerakkody V., Sivarajah U. Developing criteria for evaluating a multi-channel digitally enabled participatory budgeting platform // International Conference on Electronic Participation. 2017. № 1. P. 3 – 11.
11. Kersting N. Participatory turn? Comparing citizens and politicians perspectives on online and offline local political participation // Lex Localis. 2016. № 2. P. 251 – 263.
12. Tai K., Porumbescu G., Shon J. Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications // Public Management Review. 2020. № 2. P. 278 – 296.
13. Oser J., Hooghe M., Marien S. Is Online Participation Distinct from Offline Participation? A Latent Class Analysis of Participation Types and Their Stratification // Political Research Quarterly. 2013. № 1. P. 91 – 101.
14. Park E. Is digital literacy the key to overcome, inequality in E-participation? // 19th Annual International Conference on Digital Government Research: Governance in the Data Age. 2018. № 1. Article № 136852.
15. Pflughoeft B, Schneider I. Social media as E-participation: Can a multiple hierarchy stratification perspective predict public interest? // Government Information Quarterly. 2020. №1. Article № 101422.
16. CHugunov A.V. Elektronnoe uchastie v kontekste transformacii koncepcii demokratii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. № 8. P. 14 – 20.
17. Revyakin S.A. Ob effektivnosti elektronnyh platform uchastiya grazhdan v gosudarstvennom upravlenii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2018. № 2. P. 94 – 113.
18. Tumanyan G.V. Sovershenstvovanie partisipativnyh tekhnologij prinyatiya gosudarstvennyh reshenij: na primere Respubliki Tatarstan // Teorii i problemy politicheskih issledovanij. 2019. № 5A. P. 29 – 35.
19. Voloshinskaya A.A. «Elektronnoe uchastie» v Rossii: novyj instrument vzaimodejstviya gosudarstva i obshchestva ili elektronnaya potemkinskaya derevnya? // Informacionnoe obshchestvo. 2016. № 1. P. 40 – 47.
20. Allen B., Tamindael L., Bickerton S., Cho W. Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform // Government Information Quarterly. 2020. №1. Article № 101412.